

Пустота «левой»

Уильям Гиллис

2017

Лично я думаю, что «левые» в конечном счёте не представляют собой что-то последовательное, а скорее являются исторически обусловленной коалицией идеологических позиций. Бастиа и другие последователи свободного рынка сидели слева во французской ассамблее, и хотя мы можем пытаться утверждать, что это часть последовательной левой рыночной традиции, мы должны быть честными в том, что позиция человека в той конкретной революции — не говоря уже о революции вообще — вряд ли может сказать о многом. Всегда найдутся революционеры, желающие систем гораздо хуже нашей актуальной, и точно так же было много широко признанных «левых», чьи желания были совершенно несовместимы с освобождением.

В наши дни принято представлять левых и правых как, соответственно, эгалитарных и иерархических. Но это не только навязанное прочтение гораздо более запутанной исторической и социологической реальности, но и, честно говоря, довольно бессодержательное с философской точки зрения. Никто не может точно сказать, что означает эгалитаризм или даже иерархия, а многие интерпретации не только взаимно исключают друг друга, но и показывают, что якобы идентичные утверждения на самом деле глубоко антагонистичны. Означает ли эгалитаризм, что все получают одинаковое богатство (как бы оно ни измерялось)? Означает ли он просто юридическое или социальное равенство в абстрактной сфере отношений перед народом или правовой системой государства? Означает ли оно равные возможности для экономического роста или равный доступ к народным зернохранилищам? Отменяет ли равенство все другие добродетели, такие как свобода? Лучше ли угнетать всех одинаково, чем добиваться большей свободы? Я не шучу. Мы обходим эти глубокие вопросы стороной, руководствуясь «здравым смыслом» и полагая, что наши товарищи придут к такому же мнению, как и мы, разделяя нашу интуицию в отношении различных компромиссов, но эмпирически это не так. Мы постоянно расходимся во мнениях.

Люди говорят о «коллективной прямой демократии», как будто почти единодушная воля некоего социального органа представляет собой эгалитарное условие. Конечно, в некоторых определениях так и есть. Но как только я вижу, что некий коллективный орган пытается голосовать за мою жизнь, я не хочу «участвовать», я хочу бросить в него бомбу. Левые используют как лозунги «власть народу», так и

«отменить власть» — это должно быть серьёзным тревожным сигналом для всех, т.к. речь идёт о совершенно разных концептуальных системах и ценностях. Полагать, что если мы сядем и поговорим обо всем, то окажемся на одной волне, в высшей степени иллюзорно. Предположение о пан-лефтистской солидарности или общей цели — это успокаивающая ложь.

Левые не определяются каким-то набором аксиом в этической философии, с которыми мы все можем согласиться, а затем спорить о выведении стратегии или реализации. Левые — это историческая коалиция, собранная вместе волею случая. Как и в случае с революцией, мы склонны самоидентифицироваться как маргиналы и строить свои коалиции из классов, которые мы считаем маргинальными, против классов, которые мы считаем правящими, но это приводит к разного рода искажениям. Мы выступаем за право выбора, потому что женщины — аутсайдеры в патриархате. Но в то же время мы за веганство, потому что животные — это (иногда в буквальном смысле) аутсайдеры в условиях человеческого господства. Подождите, мы ценим все живые существа? Что считается отдельным живым существом? Ценим ли мы их одинаково или важен уровень сознания/разума? Это уровень зависимости или нагрузки, которую оно оказывает на другого человека? Внезапно реакция, которую мы даём в ситуациях с членами семьи, в отличие ситуаций с христианским начальством, начинает вступать в конфликт с реакцией, которую мы даём в ситуациях с инвалидами (маргиналами). Я не утверждаю, что нет способа соединить все эти динамики, найти основные этические ориентиры и нюансы их внимательного применения — я думаю, что он есть (хотя мой особый подход, признающий в конечном итоге широкий спектр разумности/сознания между зиготами/нематодами и кем-то, отдалённо похожим на осознанного человека, осуждается некоторыми левыми как «незгалитарный»). Я указываю на то, что наша реакция редко возникает на основе этического анализа, а является инстинктивной реакцией на любое появление аутсайдера. Левые редко представляют собой общую философию, чаще это коалиция, к которой добавляется теория, служащая целям скрепления этой коалиции. Можно легко представить себе вселенные с разными историческими путями, где запрет аборт является основным планом левых, рассматриваемым как глубоко взаимосвязанный с противостоянием ксенофобии, патриархату, аблеизму и т.д. Или же левые могут выступать против законодательного запрета, но поддерживать и создавать низовые социальные и культурные санкции против аборт. (Опять же, для справки, я сторонник выбора).

Маргинальность — очень опасный подход к миру. Это хорошее «правило большого пальца», но если вы что-то знаете обо мне, то это то, что я ненавижу такие эвристики и рассматриваю их как противоположность радикальному анализу. Маргинальность — это то, как вы получаете такие явления, как сионизм, ленинизм, «цветной» национализм, TERF, SWERF и т.д. Её неудачи многообразны. Есть все основания полагать, что левачество — это не что иное, как маргинальность, в этом случае фашизм почти всегда левый. Активисты за мужские права не подходят к политике как реакционеры с правого фланга французского генерального собрания, сознательно стремящиеся сохранить устоявшуюся правящую структуру, они видят себя в роли угнетённых. Конечно, это не так (почти во всем, кроме некоторых пограничных контекстов, таких как некоторые фрагменты закона о разводе), но, черт возьми, они потенциальные

угнетённые, и этого статуса более чем достаточно, чтобы воспроизвести большую часть стандартных структур маргинальности.

Можно возразить, что проблема маргинальности альт-правых заключается не только в их неправильном определении угнетённых, но и в их жажде власти, и это, конечно, в целом верно (хотя часть альт-правых, похоже, не столько стремится к власти, сколько попить слёзы противников/«победителей»). Но это, безусловно, относится и к большей части левых в хорошем смысле слова. Конечно, многие авторитарные левые с жадностью ухватились за угнетённость как за потенциальную лестницу к власти. Я встречал писательниц-феминисток, которые открыто признавались мне, что были бы патриархальными, если бы были мужчинами, или владели бы рабами, если бы были богатыми белыми довоенных времён.

Да, любое собрание умных людей, которые отшатываются от явных проявлений угнетения, в целом сойдутся в ряде позиций или анализов. Но то, как они примиряют или удерживают вместе эти вещи, может кардинально отличаться. То, что левые представляют собой стабильную коалицию в нашем нынешнем контексте, не означает, что те её аспекты, которые кажутся идеально гармоничными, не разойдутся в разные стороны при изменении определённых условий.

Я неоднократно сталкивался с левыми, которые утверждали, что ценить одни вещи выше других — это иерархично и, следовательно, это — дело правых (левизна в их сознании представляет собой нечто более похожее на стоицизм или буддизм). Точно так же эпистемологический плюрализм распространён в самых задиристых секторах левых академических кругов, которые считают, что считать одни модели мира более истинными, чем другие, — это «неэгалитарно» или даже «тоталитарно». Заманчиво просто посмеяться над хиппи и идти дальше, но подобные ужасающе плохие определения «эгалитаризма» иногда звучат из уст умных людей, которые, как правило, не теряют головы, как только переходят в непривычный для них контекст.

Я ненавижу «Non-aggression principle», но в наши дни все смеются над «принципом ненападения» за то, что он «непрагматичен», и это все больше и больше становится связано со случайным обвинением всей этической философии как таковой. Этот поворот поощряется двумя взаимосвязанными бичами современных крайних левых в интернете: «tankies» и нигилистами. Это имеет смысл, если — в соответствии с принципом социальной справедливости — вы видите смысл левых в создании социальных рамок этикета и свободной идеологии, которые могут связать вместе коалицию отсталых классов. Поэтому все чаще звучит рефрен «вы не можете сравнивать!», который звучит всякий раз, когда кто-то пытается найти общие черты или противоречия между различными утверждениями, позициями или планами. С этой точки зрения, у левых нет общего корня или объединяющего этоса, и мы не должны искать его, чтобы не развалить весь проект. Философия, этика, основные ценности или принципы становятся врагами, равно как и методологический индивидуализм и универсализм. Не существует ни индивидуального, ни универсального опыта, есть лишь относительно упрощённые классы людей с несравнимым опытом. И мы объединяем их в общее дело с помощью запугивания, социального позиционирования, поэтических аффективных призывов и угроз насилия.

Левые не объединены ничем. Марксизм наполовину дискредитирован идиотизмом и чудовищностью, а та половина, которая уцелела, превратилась в дико про-

тиворечивый беспорядок, более озабоченный мракобесием, иррационализмом и антиреализмом, чтобы скрыть собственные неудачи, чем добиться чего-либо, тем более наметить путь. Большинство проблем левых относится к противостоящим мифологизированным надстройкам, которые мы оставляем на произвол судьбы в отсутствие или при изменении их состава и поведения. Короче говоря, у левых абсолютная аллергия на радикализм. Вместо этого они отбиваются от своей неадекватности короткими затяжками экстремизма.

По мере того как социальные и идеологические сложности будут усугубляться благодаря бешеной отдаче информационной эпохи, эти внутренние противоречия и смехотворно хрупкая обмотка, которую мы создали, будут становиться все более очевидными.

Ещё есть надежда на радикальный анархизм, который готов укоренить свои дискуссии о свободе и этике конкретно и прямо. Но это неизбежно повлечёт за собой отказ от многих союзников, с которыми мы разделяем некоторые ограниченные интуиции или сиюминутные предписания. Или, по крайней мере, отбросить утешительные иллюзии глубокого товарищества.

Единственная причина, по которой ложь о «левых» сохраняется на протяжении двух столетий, заключается в том, что их грандиозное манихейское повествование о двух более или менее однородных племенах — просвещённом и непоправимо морально развращённом — создаёт ощущение общности, которое обеспечивает психологический комфорт для многих. Для многих левых (как и для националистических и правых) жажда «сообщества» — это фактически их основная мотивация. Общаясь в баре, лучше не заглядывать слишком глубоко в то, почему вы оба выступаете против капиталистов, чтобы не обнаружить нечто, что скорее объединяет, чем связывает.

Но формат нынешних интернет-технологий привёл к обратному эффекту. Неизбежный контакт с врагом заставляет нас возводить враждебные дискурсивные стены, которые, естественно, отсекают и наших традиционных союзников, заставляя и правых, и левых раскалываться в отчаянных попытках найти чистоту, надёжность или какую-то более глубокую связь. Случайные точки единства, которые срабатывали, когда у нас не было выбора, с кем дружить, теперь раскалываются во всех направлениях. Это в значительной степени хорошо: за последние два десятилетия были обнародованы всевозможные ужасы, тающиеся в наших собственных рядах. Но процесс, который выявляет наше отсутствие общности с антинаучным левым глубоким экологом, желающим убить всех людей, — это также процесс, который в конечном счёте безвозвратно разорвёт «левых» на куски.

Этот корабль тонет. И то, что многие крысы спасаются бегством, не означает, что и мы не должны этого делать.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Уильям Гиллис
Пустота «левой»
2017

Скопировано 22.06.2025 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3638>
Перевод с английского: <http://humaniterations.net/2017/06/12/the-emptiness-of-the-left/>

ru.anarchistlibraries.net